

ОТ ЧЕЛОВЕКА К КОРПОРАЦИИ: НА ПУТИ К АНТРОПОМОРФИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

ЛУНЁВ А. А.

Лунёв Андрей Алексеевич — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия (a.a.lunyov@usla.ru).
ORCID: 0000-0001-8714-5146.

Аннотация

Идея о том, что все люди обладают универсальными, равными и неотъемлемыми правами, воспринимается уже не столько как учение о способах защиты прав человека от государственного посягательства, сколько своего рода стандарт развития новых правосубъектных концепций, среди которых концепция основных прав юридических лиц. В ее основе лежит тезис, в соответствии с которым национальные юридические лица обладают правами, подобными правам человека (например, свобода выражения мнения, запрет дискриминации, право на жилище), и могут самостоятельно и от собственного имени требовать защиты таких прав на международном уровне. Следуя антропоморфной логике и проводя аналогию с правами иных акторов (государств, животных и природы), автор утверждает, что статус юридических лиц в международном праве все чаще уподобляется статусу физического лица. В работе раскрыта суть концепции основных прав юридических лиц и ее практическое применение в некоторых судебных и квазисудебных механизмах защиты прав человека. Внимание преимущественно уделяется европейским системам, в частности Европейского союза и Совета Европы, в которых гарантии прав юридических лиц наиболее широки. В статье также установлена производность основных прав юридических лиц от прав человека и обосновано ценностное значение организационно-управленческой формы юридического лица для более эффективной защиты индивида. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что концепция прав человека продолжает свое развитие, расширяя субъектный состав и усиливая значение неправительственных организаций в правозащитной сфере.

Ключевые слова

антропоморфизм, основные права, юридические лица, ЕСПЧ, права человека, коллективная концепция прав человека, корпоративная концепция прав человека

Для цитирования: Лунёв А. А. От человека к корпорации: на пути к антропоморфизации юридических лиц в международном праве // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 2. С. 28–42.

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.22260>

Введение

В современном международном праве наблюдается тенденция присвоения юридическим лицам человеческих качеств (антропоморфизация). В попытках обойти установленный Нюрнбергским трибуналом принцип индивидуальной ответственности¹ Организация Объединенных Наций², а

¹ Нюрнбергский трибунал указывал: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями». Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg. 14 November 1945 – 1 October 1946 in 42 volumes. Vol. 1. P. 223.

² С начала XXI века ООН реализует различные инициативы по защите прав человека в сфере бизнеса. Так, в 2005 году была учреждена должность Специального представителя по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях; в 2011 году спецпредставитель Д. Рагги озвучил доклад «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека» («принципы Рагги»), в котором были установлены минимальные стандарты предупреждения и устранения рисков негативного воздействия на права человека в контексте деятельности корпораций. Этот документ заложил основу для дальнейшего развития вопроса, и в 2014 году Совет ООН по правам человека учредил Межправительственную рабочую группу открытого состава по транснациональным корпорациям и другим предприятиям в аспекте прав человека, целью которой является разработка обязательного документа в этой области.

также представители научного сообщества³ и правозащитного движения⁴ уделяют немало внимания проблеме соблюдения корпорациями прав человека и обсуждают возможные способы наделения юридических лиц соответствующими международными обязательствами. Некоторые и вовсе подчеркивают необходимость введения корпоративной уголовной ответственности на международном уровне⁵.

Между тем национальные юридические лица уже на протяжении нескольких десятилетий отстаивают права, вытекающие из правозащитных договоров⁶. Такие права подобны правам человека, однако здесь речь не идет исключительно о характерных для организаций гарантиях защиты собственности или справедливого судебного разбирательства. Фирмы, компании и ассоциации способны защищать свою свободу выражения мнения, мысли и религии, свое право на жилище и корреспонденцию, заявлять о недопустимости дискриминации и в случае нарушения конвенционных гарантий добиваться моральной компенсации. Это утверждение требует переосмысления и оценки роли юридических лиц в международном праве в области защиты прав человека.

В первой части статьи показано, как антропоморфное мышление начиная с XVII столетия благодаря трудам Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, К. Вольфа и Э. де Ваттеля сформировало учение об основных правах государств и как сегодня антропоморфизация продолжает формировать новые концепции прав животных и природы. Во второй части статьи раскрыты основания, содержание и следствия концепции *corporate human rights*, предлагается более уместный с точки зрения существа идеи русскоязычный аналог этого термина — «основные права юридических лиц» (в противовес калькированному переводу «корпоративные права человека»). Третья часть посвящена оценке прав и процессуальному статусу юридических лиц в некоторых международных универсальных и региональных органах по защите прав человека. Особое внимание уделяется европейским системам, поскольку наибольшего прогресса в утверждении и защите таких основных прав юридических лиц достигли механизмы Совета Европы и Европейского союза, в которых организации, подобно физическому лицу и наряду с ним, могут восприниматься в качестве потенциальных жертв нарушения своих прав со стороны государства. В четвертой части описана природа основных прав юридических лиц и их ценностное значение в деле защиты прав человека. В итоге формулируется вывод, что концепция прав человека более не ограничивается исключительно человеком как основным бенефициаром международных правозащитных гарантий.

1. Права по образу и подобию человека

Вопрос о том, кто может быть носителем международных прав (и обязанностей), — открытый вопрос юридической науки, который, как справедливо отмечает Международный Суд, иногда становится предметом спора⁷. Отсутствие единства в научном сообществе обуславливается различными взглядами на природу международного права: можно ли понимать его исключительно как межгосударственное право, поскольку именно государства выступают ведущими участниками международных правоотношений? Иными словами, является ли международное право «правом сильного», то есть правом тех, кто определяет повестку международного сотрудничества, непосредственно участвует в создании международных норм, обладает монополией на

³ См., например, Абашидзе А. Х. *Современное международное право об ответственности юридических лиц за правонарушения* // Современное право. 2013. № 8. С. 110–115; Русинова В., Ганина О. *Постановление Верховного суда Канады от 28 февраля 2020 года по делу «Невсун» против Арайи: «тихая революция» в оценке статуса корпораций по международному публичному праву?* // Международное правосудие. 2021. № 2. С. 25–39; Сиявский А. А. *Международная защита прав человека и деятельность транснациональных корпораций* // Московский журнал международного права. 2020. № 1. С. 54–65; Bonnitcha J., McCorquodale R. *The Concept of 'Due Diligence' in the UN Guiding Principles on Business and Human Rights* // The European Journal of International Law. 2017. Vol. 28. № 3. P. 899–919; Ruggie J., Sherman III J. F. *The Concept of 'Due Diligence' in the UN Guiding Principles on Business and Human Rights: A Reply to Jonathan Bonnitcha and Robert McCorquodale* // The European Journal of International Law. 2017. Vol. 28. № 3. P. 921–928.

⁴ См., например, деятельность некоммерческой организации *Business & Human Rights Resource Centre*. URL: <https://www.business-humanrights.org/en/about-us/> (дата обращения: 29.04.2024).

⁵ См., например, Kelly M. *Prosecuting Corporations for Genocide*. New York : Oxford University Press, 2016.

⁶ Термин «правозащитный» в настоящей работе используется с некоторой долей условности и подразумевает защиту человека, а потому правозащитные договоры — это договоры по правам человека, правозащитные механизмы — органы по правам человека.

⁷ ICJ. *Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations*. Advisory Opinion of 11 April 1949. P. 8.

применение силы и в конечном счете стоит над человеком⁸. Или же, наоборот, международное право — это право «слабого», призванное защищать подневольного человека и создаваемые им коллективные образования от государственного посягательства и произвола?⁹

Начиная с XIX века в зарубежной и отечественной доктрине превалировали этатистские взгляды: международное право определяло главным образом права государств, а не индивида, который не рассматривался в качестве возможного актора международной системы вплоть до революции в области прав человека второй половины XX столетия, положившей начало «индивидуализации» международного права¹⁰. Государства воспринимались не просто как центр международно-правового учения, а как самостоятельные и независимые личности, своего рода «искусственные люди», обладающие собственным характером и волей, поведение которых уподоблялось поведению живых людей. Подробнее этот тезис раскрывает французский международник Ж. д'Аспремон. В своей работе «Учение об основных правах государств и антропоморфное мышление в международном праве» он отмечает, что концепция основных прав государств представляет собой «вершину антропоморфного мышления в международном праве», поскольку мыслители прошлых столетий разрабатывали это учение по аналогии с естественными правами человека. Автор пишет:

Идея о том, что государство обладает качествами человека и способно к человеческому поведению, прочно закрепилась в сознании юристов-международников. Действительно, мир идей, который был создан этими юристами и который они стремятся проецировать на внешний мир, всегда основывался на неких антропоморфных конструкциях, с помощью которых человеческие качества проецируются на основные институты международного права, то есть на государство¹¹.

Так, благодаря трудам С. фон Пуфендорфа гоббсовский Левиафан, первоначально «искусственный человек», возымел разум, отличный от разума суверена, и, соответственно, способность к социальному общению (англ.: *an intellect and sociability*)¹². К. фон Вольф, продолжая наметившуюся традицию, первым выдвинул идею прав и обязанностей государств, но наибольший вклад в антропоморфизацию государств внес его последователь Э. де Ваттель, утвердивший понимание государства как личности и в числе первых обосновавший наличие у него международно-правового намерения и собственной воли¹³. Критикуя такую имманентность международно-правового этатизма, М. А. Лихачев отмечает:

...государство не просто явило себя в качестве субстанции высшего порядка: оно вытеснило человека из области международно-правового, заменило его собой, присвоив себе антропоморфную плоть и душу: социальное (позитивно-правовое) объявлено природным (а потому естественным, разумным и безальтернативным), а природное хищнически поглощено

⁸ Так, представители государство-ориентированного подхода (англ.: *the states-only conception*), например, Г. Трипель, Л. Оппенгейм, Д. Анцилотти, считали, что лишь государства являются субъектами международного права, а человек и иные образования не имеют к нему прямого отношения (Portmann R. *Legal Personality in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 42); сторонники концепции признания (А. Кавальери, Г. Шварценбергер) допускали, что человек и другие образования могут быть субъектами международного права при условии, если таковыми их признает государство. Ibid. P. 80.

⁹ Одним из наиболее известных сторонников индивидуалистического подхода являлся Х. Лаутерпахт, по утверждению которого одной из причин признания человека в качестве субъекта международного права стало признание ценности его личности как конечной цели всего права (англ.: *ultimate unit of all law*) (Lauterpacht H. *International Law and Human Rights*. New York : F. A. Praeger, Inc. 1950. P. 62); С. Мойн пишет: «Сегодня нам кажется очевидным, что одной из основных целей — и, возможно, главным предназначением — международного права выступает защита индивидуальных прав человека». Мойн С. *Последняя утопия: Права человека в истории*. М. : НЛО, 2024. С. 299.

¹⁰ Moyn S. *Rights // Concepts for International Law* / ed. by J. d'Aspremont, S. Singh. Cheltenham; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2019. P. 796.

¹¹ d'Aspremont J. *The Doctrine of Fundamental Rights of States and Anthropomorphic Thinking in International Law* // Cambridge Journal of International and Comparative Law. 2015. Vol. 4. № 3. P. 504.

¹² Ж. д'Аспремон отмечает, что С. фон Пуфендорфа следует признать основоположником антропоморфного мышления о государстве, но этот подход предположительно был заимствован у испанского мыслителя Ф. Суареса. Ibid. P. 506.

¹³ Лихачев М. А. *Политики международной правосубъектности и их историческая изменчивость* // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law), 2023. Vol. 1. № 1. С. 12. См. также: Holland B. *The Moral Person of the State: Emer de Vattel and the Foundations of International Legal Order* // History of European Ideas. 2011. Vol. 37. P. 438–445.

социальным. Изгнанный таким образом на международно-правовые задворки человек полностью подчинен государству, уподобленному человеку¹⁴.

Итак, к середине XIX столетия в науке международного права были заложены основы этатистской традиции, суть которой заключается в восприятии государства, обладающего подобными человеку качествами рационализировать и как личность действовать самостоятельно и от собственного имени в отношениях с другими государствами-«личностями»¹⁵. Последовавший за этим период (вторая половина XIX — середина XX веков) Ж. д'Аспремон резонно нарекает «золотым веком учения об основных правах государств»¹⁶: правоведы того времени (например, Ф. Ф. Мартенс, Р. Филлимор, А. Фердросс¹⁷) сакрализуют государство, стремятся уточнить перечень его основных прав в качестве неотъемлемых и неотчуждаемых (англ.: *inherent and inalienable rights*)¹⁸. В ту же пору любое посягательство на основные права государств твердо связывается с угрозой истокам международного права. Академические настроения эпохи верно выражает оценка немецкого ученого Г. Еллинека: «Международное право существует для государств, а не наоборот»¹⁹.

В XX веке были предприняты попытки позитивной кодификации основных прав государств, которые, однако, не увенчались успехом²⁰. В 1949 году Комиссия международного права разработала проект Декларации прав и обязанностей государств, состоящей из четырнадцати статей, четыре из которых посвящены правам (независимость, осуществление юрисдикции, равенство и право на самооборону), а десять — обязанностям²¹. Документ, однако, не вызвал у мирового сообщества интереса, необходимого для дальнейшего обсуждения: отсутствие внимания к подобным инициативам связано с постепенным усилением международной защиты прав индивида и увеличением числа международных документов в этой сфере после Второй мировой войны²².

В то же время антропоморфная конструкция основных прав государств не перестала существовать. Наоборот, она продолжила свое развитие, однако ее формулировка изменилась. Так, многие положения проекта Комиссии были впоследствии отражены в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 года, которая была составлена в терминах «принципов», а не «прав и обязанностей государств». Впоследствии некоторые ее важные аспекты были учтены в Заключительном акте СБСЕ 1975 года²³. Гарантирующие *inter alia* суверенное равенство, территориальную целостность и политическую независимость принципы международного права стали по своей сути аналогом фундаментальных прав человека, но для государств²⁴. Кроме того, многие другие современные концепции международного права, например, *jus cogens*, *opinio juris*, доктрина «постоянно возражающего государства» (англ.: *the persistent objector*), а также право на мирное использование ядерной энергии или на постоянный суверенитет над природными ресурсами, право на самооборону и невмешательство во внутренние

¹⁴ Лихачев М. А. Указ. соч. С. 13.

¹⁵ Тезис о государстве-«личности» отстаивает, к примеру, Ф. Ф. Мартенс: «Каждое государство, участвующее в международном общении, обладает такой же право- и дееспособностью, как и отдельное физическое лицо в сфере частных отношений» и далее «...государству может быть приписываема личность еще в том смысле, что оно умирает, сходит с поприща всемирной истории и выходит из международного общения» (Глава II. Государство как международная личность). Мартенс Ф. *Современное международное право цивилизованных народов*. Том I. СПб : Типография А. Бенке, 1904. С. 239–241.

¹⁶ d'Aspremont J. *Op. cit.* P. 507.

¹⁷ Мартенс Ф. Указ. соч. С. 302–317; Phillimore R. *Commentaries upon International Law*. London: Butterworths, 1879. P. 216–217; von Verdross A. *Völkerrecht*. Berlin : Springer, 1937. P. 249–250.

¹⁸ В целом ядром любых основных прав государств следует считать право на независимость, суверенитет, равенство, самосохранение. Carbone S., di Pepe L. S. *States, Fundamental Rights and Duties // Max Planck Encyclopedia of Public International Law [MPEPIL]*, 2009. § 18.

¹⁹ Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre: Manuldruck*. Heidelberg: Springer Berlin, 1914. P. 377.

²⁰ Тем не менее на межамериканском уровне этого удалось достичь. В 1933 году была принята Конвенция о правах и обязанностях государств (Конвенция Монтевидео), в которой отмечены признаки государства как субъекта международного права (ст. 1) и закреплены права, например, на политическое существование независимо от признания (ст. 3), равенство (ст. 4), невмешательство (ст. 8).

²¹ См. подробнее: *Draft Declaration on Rights and Duties of States with commentaries // Yearbook of the International Law Commission*. 1949. P. 287–290.

²² d'Aspremont J. *Op. cit.* P. 514.

²³ Carbone S., di Pepe L. S. *Op. cit.* § 15–17.

²⁴ Толстых В. Л. *Курс международного права: учебник*. М. : Международные отношения, 2022. С. 201.

дела, представляют собой нормы, выработанные благодаря антропоморфному учению об основных правах государств, либо же производные от него²⁵.

В своей работе Ж. д'Аспремонт приходит к выводу, что

...в настоящее время незаметно разбросанные по всему международному правопорядку, антропоморфные конструкции... стали довольно распространенными и, следовательно, еще более прочными, чем когда-либо. В этом смысле антропоморфное мышление... по всей видимости будет откликаться в сознании юристов-международников на десятилетия вперед²⁶.

Современная литература по международному праву подтверждает это умозаключение: образ человека и его прав, особенно с развитием международной защиты прав индивида, продолжает служить ориентиром для формирования новых постгуманистических учений в отношении других акторов современной международно-правовой системы (животных, природы, роботов, искусственного интеллекта)²⁷.

Так, по мнению немецкой ученой А. Петерс, основными правами должны обладать животные. Она утверждает, что животные находятся в уязвимом положении, поскольку воспринимаются в качестве вещей (объектов права) и, соответственно, могут быть лишь бенефициарами защитных норм, в которых предусмотрены обязанности людей²⁸. Но у животных существуют собственные интересы, главным образом необходимость избегать опасных и некомфортных состояний, и поэтому они нуждаются в более эффективной защите своих основных потребностей, например, не испытывать боль, утолять голод и жажду. Следовательно, животные вправе жить в соответствии со своим физическими и психологическими нуждами, не подвергаться жестокому обращению и быть физически свободными. По этой причине признание прав животных на международном уровне было бы концептуально обоснованным и желательным²⁹.

А. Петерс отмечает, что аргументы в пользу прав животных лучше всего строить, прибегая к аналогии с основными правами человека³⁰. Поскольку некоторые животные, как и человек, обладают способностью ощущать (англ.: *sentience*), то защита прав животных заключается в защите животных от страдания — чувства, присущего в том числе человеку. Кроме того, определенные права животных находят параллель с правами человека (например, право человека на жилище и право животного на защиту естественной среды обитания) или правами несовершеннолетних в отношениях с опекуном³¹.

Такой же антропоморфной логике следуют сторонники идеи прав природы, которые считают, что не только животные, но и реки, озера, океаны, горы, леса должны обладать собственными основными правами. Любая экосистема имеет право на существование, процветание, восстановление жизненных циклов и естественное развитие без вреда, вызванного деятельностью человека³². Человек же как часть этой системы должен представлять интересы природы в качестве

²⁵ См. подробнее: d'Aspremont J. *Op. cit.* P. 514–519.

²⁶ Ibid. P. 520.

²⁷ Лихачев М. А. *Универсальность международных стандартов прав человека: необходимая утопия* // Право. Журнал Высшей школы экономики. Том 17. № 1. С. 40, 60–61. См. подробнее о постгуманистической теории в международном праве: *International Law and Posthuman Theory* / ed. by M. Arvidsson, E. Jones. London: Routledge, 2024; *Non-Human Rights. Critical Perspectives* / ed. by A. Alvarez-Nakagawa, C. Douzinas. Cheltenham; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2024.

²⁸ Беззащитное положение животных продемонстрировала печальная история кота Твикса, погибшего на железнодорожной станции в Кирове в начале 2024 года из-за невнимательного и халатного отношения человека. См. подробнее о уязвимости животных и критике видовой дискриминации: Сингер П. *Освобождение животных*. М. : Синдбад, 2021.

²⁹ Peters A. *Animal Rights* // *Elgar Encyclopedia of Human Rights* / ed. by C. Binder, M. Nowak, J. A. Hofbauer, P. Janig. Cheltenham; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2022. P. 129–135.

³⁰ Ibid. P. 130; при этом далеко не все ученые разделяют такую точку зрения. Например, М. Лихи выступал против очеловечивания животных и наделяния их правами, подобными человеку. См.: Leahy M. *Against Liberation. Putting Animals in Perspective*. New York : Routledge, 1991.

³¹ Peters A. *Op. cit.* P. 131–132.

³² Challe T. *The Rights of Nature — Can an Ecosystem Bear Legal Rights? Columbia University's Sabin Center for Climate Change Law*. URL: <https://news.climate.columbia.edu/2021/04/22/rights-of-nature-lawsuits/> (дата обращения: 07.03.2024); В недавнем решении по делу *La Oroya v. Peru (2024)* Межамериканский суд по правам человека признал нарушение права на благоприятную окружающую среду и ряда других положений Американской конвенции по правам человека 1969 года в связи с деятельностью металлургического предприятия, нанесшего значительный ущерб окружающей среде и здоровью населения. Примечательно, что в этом деле Суд опирался на эгоцентричный подход, то есть рассматривал право на благоприятную окружающую среду с точки зрения прав природы. Кроме того, Суд предположил, что право на благоприятную окружающую среду должно рассматриваться как императивная норма международного права (*ius*

опекуна и оберегать ее от различных угроз, таких как загрязнение воздуха, вырубка лесов, утрата биоразнообразия³³. В связи с этим следует отказаться от доминирующего положения человека, воспринимающего окружающий мир как объект собственности, и поставить в центр дискурса интересы природного мира, ценного самого по себе. Только в таком случае будет обеспечен наивысший уровень охраны природы и в том числе права человека³⁴.

Наконец, международно-правовой антропоморфизации подвергаются и различные национальные юридические лица (компании, правозащитные и природоохранные организации, политические партии, профсоюзы, церкви), которые также обладают правами, традиционно рассматриваемыми в качестве прав человека. Однако если в случае с животными, природой и другими «не-людьми» (англ.: *non-human beings*) международная и национальная практика весьма далека от формирования единообразного подхода, то в отношении юридических лиц существует обширная и устойчивая тенденция, позволяющая сформулировать некоторые концептуальные выводы.

2. Концепция «corporate human rights», или основные права юридических лиц

Реализация прав человека на международном уровне возможна двумя способами: индивидуальным и групповым. В первом случае человек самостоятельно отстаивает защиту прав. Для международной практики такой способ является довольно распространенной формой обращений. Во втором случае реализация прав возможна либо коллективом людей (коллективная концепция), либо же юридическим лицом (корпоративная концепция). Последнее, собственно говоря, и обозначается термином *corporate human rights*.

Разницу коллективных и корпоративных групповых прав объясняет П. Джонс. По его мнению, коллективную концепцию можно противопоставить корпоративной концепции групповых прав: принципиальное различие между ними заключается в том, что коллективная концепция приписывает признание субъектности по моральным основаниям (англ.: *moral standing*) только физическим лицам, которые совместно владеют групповым правом³⁵, в то время как корпоративная концепция приписывает эту субъектность группе как таковой. Поэтому в соответствии с корпоративной концепцией носителем прав являются не несколько физических лиц, составляющих группу, а группа, рассматриваемая как единое целостное образование³⁶. По этой причине, отмечает автор, права корпораций не могут быть правами человека, поскольку принадлежат корпорациям, а не людям³⁷.

Действительно, юридические лица не могут быть носителями прав человека в строгом смысле этого слова. Все же идея прав человека неразрывно связана с ценностью человеческого достоинства — свойством, нехарактерным для искусственных образований. В связи с этим термин «*corporate human rights*», который можно было бы перевести калькированием «корпоративные права человека», на первый взгляд, вводит в заблуждение, поскольку речь идет о правах организаций, а не физических лиц. В то же время применимое в таких случаях к юридическим лицам англоязычное *human rights* обозначает не только права, принадлежащие человеку, а представляет собой устойчивую конструкцию, описывающую группу неотъемлемых и неотчуждаемых прав. Следовательно, более точным (хотя и не очень аккуратным) переводом *human rights* будет «человеческие права», а *corporate human rights* — «права корпораций,

cogens). См.: Corte IDH. *Habitantes de La Oroya Vs. Perú*. Sentencia de 27 de Noviembre de 2023 (Excepciones Preliminares, Fondo, Reparaciones y Costas).

³³ См. подробнее: Jones E. *Posthuman International Law and the Rights of Nature* // *Journal of Human Rights and the Environment*. 2021. Vol. 12. Special Issue. P. 76–102.

³⁴ Ibid. P. 94; Ст. 1 Декларации прав Матери Земли 2009 года гласит: «В XXI веке невозможно добиться полной защиты прав человека, если в то же время мы не признаем и не защищаем права планеты Земля и природы. Только гарантируя права Матери Земли, мы сможем обеспечить защиту прав человека. Планета Земля может существовать и без человеческой жизни, но человеческие существа не могут существовать без планеты Земля» (документ Боливарианского альянса для Америк).

³⁵ Коллективное групповое право реализуется несколькими людьми, которые, с одной стороны, обладают собственными интересами (то есть интересами каждого члена группы), а с другой — такая группа образует единый интерес всех членов. К таким обращениям можно отнести, например, коллективную жалобу в связи с деятельностью предприятия, загрязняющего воздух и оказывающего негативное воздействие на здоровье живущих поблизости людей (см. вышеупомянутое дело *La Oroya v. Peru*).

³⁶ Jones P. *Human Rights, Group Rights, and Peoples' Rights* // *Human Rights Quarterly*. 1999. Vol. 21. № 1. P. 86.

³⁷ Ibid. P. 88.

подобные права человека» или «человеческие права корпораций»³⁸. Иными словами, следуя вышеописанной антропоморфной логике, мы можем, например, поставить вопрос: обладает ли компания свободой выражения мнения как у человека или способна ли церковь отстаивать человеческое право свободно исповедовать религию? Такая же логика выстраивается и в отношении других акторов: к примеру, обладают ли животные подобно человеку правом на жилище, защищая естественную среду обитания?

Кроме того, в данном случае такие *human rights* нужно отличать от иных прав, принадлежащих человеку по международному праву, в частности от так называемых индивидуальных прав (англ.: *individual rights*). Уже упомянутая А. Петерс определяет последние как обычные, или простые, права физических лиц по международному праву (англ.: *ordinary* или *simple international rights*), не являющиеся правами человека *stricto sensu* (например, права беженцев или международные трудовые права)³⁹.

Тем не менее, несмотря на распространенную в зарубежной науке формулировку *corporate human rights*, подчеркивающую тесную связь идеи прав человека и связанных с ними прав юридических лиц⁴⁰, во избежание путаницы и для более точного описания последних на русском языке все же предпочтительно использовать другой термин — «*основные права юридических лиц (корпораций)*»⁴¹.

Акцент на *основных правах* подчеркивает, что, во-первых, такие права обеспечивают организациям достойное и легитимное существование и в связи с этим требуют высокой степени защиты от неправомерных действий других субъектов, главным образом от государства. Во-вторых, в силу своей исключительной важности такие права закреплены в некоторых международных договорах о правах человека (или в национальных конституциях⁴²) наряду с основными правами физических лиц. В таком случае юридические лица, как и человек, могут стать жертвами неправомерного обращения, например, могут быть подвергнуты неоправданно высоким штрафам, излишнему контролю, отказу в регистрации или принудительной ликвидации. В-третьих, как и в случае с человеком, основные права юридических лиц необходимо отличать от других, обычных или простых прав по международному праву (скажем, от прав по международному морскому праву⁴³). Последние, безусловно, способствуют осуществлению определенных целей, но не обеспечивают своему носителю особую ценность, а их нарушение не влечет для организаций столь серьезных последствий, как нарушение основных прав.

В случае «юридических лиц» и «корпораций», конечно же, необходимо учитывать разницу между этими понятиями: если первое характерно преимущественно для романо-германской правовой семьи, то второе в основном используется в англо-саксонской системе⁴⁴. Тем не менее

³⁸ Автор первой крупной работы по этой проблеме норвежский юрист М. Эмберланд именует такие права «правами человека, принадлежащими компаниям» (англ.: *human rights of companies*). См. подробнее: Emberland M. *The Human Rights of Companies*. Oxford : Oxford University Press, 2006.

³⁹ Peters A. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 436, 452–457, 462–469.

⁴⁰ См. например, Grear A. *Corporate Human Rights? // Redirecting Human Rights. Facing the Challenge of Corporate Legal Humanity*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010; Isiksel T. *Corporate Human Rights Claims Under the ECHR // The Georgetown Journal of Law & Public Policy*. 2019. Vol. 17. P. 979–1005; Kulick A. *Corporate Human Rights? // The European Journal of International Law*. Vol. 32. 2021. № 2. P. 537–569.

⁴¹ Подобным образом их именует брюссельский профессор П. Оливер. См., например, Oliver P. *Companies and their Fundamental Rights: A Comparative Perspective // International and Comparative Law Quarterly*. 2015. Vol. 64. № 3. P. 661–669; Oliver P. *What Fundamental Rights, if Any, Should Companies Enjoy? A Comparative Perspective // Revue européenne du droit*. Vol. 2022. № 3. P. 48–58.

⁴² Концепция основных прав юридических лиц не является исключительным достоянием международного правопорядка. Во многих национально-правовых системах основные права юридических лиц признаются на конституционном уровне и поэтому чаще такие права именуются конституционными. Наиболее продвинутыми в этом отношении являются подходы Федерального конституционного суда Германии и Верховного суда США. Так, с конца 1960-х годов ФКС Германии последовательно расширял объем конституционных прав юридических лиц, признав за ними, к примеру, право на свободу выражения мнения, неприкосновенность тайны переписки и телекоммуникаций, право на свободу профессиональной деятельности и право на собственность. В США в отношении корпораций действуют защита от необоснованных обысков, право частной собственности и защита от повторного привлечения к ответственности, право на суд присяжных по уголовным и гражданским делам, положения о равной защите закона, а также гарантии, закрепленные в Первой поправке к Конституции США, в частности свобода слова. См. подробнее: Kulick A. *Op. cit.* P. 552–556; Oliver P. *What Fundamental Rights, if Any, Should Companies Enjoy...* P. 49–52.

⁴³ Конвенция ООН по морскому праву 1982 года закрепляет право юридических лиц осуществлять в пределах Района (морского дна) деятельность по эксплуатации имеющихся там природных ресурсов (пп. b п. 2 ст. 153), а Камера по спорам, касающимся морского дна, открыта для обращений организаций в связи с нарушением их прав.

⁴⁴ Например, в Германии и Швейцарии корпорации являются типами юридических лиц, а в США понятие корпорации, наоборот, охватывает практически все виды юридических лиц. Английские правоведы называют корпорацией само

для международного права это различие не имеет принципиального значения: как уже отмечалось, заявителем могут выступить любые типы национальных организаций, будь то коммерческие предприятия, медиакомпании, некоммерческие организации, религиозные объединения, политические партии, профсоюзы. Но в то же время важно подчеркнуть, что носителями основных прав по большей части являются неправительственные организации. Логика такого подхода заключается в том, чтобы не допустить обращения в международные органы юридических лиц, находящихся под строгим контролем государства. В частности, Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд, ЕСПЧ) отмечал, что

...идея, лежащая в основе этого принципа (то есть *отказ в доступе правительственным организациям* — А. Л.), заключается в том, чтобы не позволить Договаривающейся стороне выступать одновременно в качестве заявителя и ответчика в Суде⁴⁵.

Впрочем, это не значит, что в международном праве доступ правительственным организациям к основным правам невозможен вообще. Так, в системе Евросоюза юридическим лицам нет необходимости проходить через фильтр «неправительственной организации», и так называемые эманации государств (например, государственные компании) обладают доступом к судебным механизмам ЕС и могут претендовать на защиту прав в соответствии с Хартией основных прав Европейского союза 2000 года⁴⁶.

3. География основных прав юридических лиц⁴⁷

Далеко не все международные органы признают за юридическими лицами основные права и возможность процессуальной защиты таких прав⁴⁸. Вкратце и схематично разные подходы к этому вопросу можно представить следующим образом:

	Статус заявителя	Статус жертвы	<i>actio popularis</i>
Межамериканский суд по правам человека, Африканская комиссия по правам человека и народов	да	нет	да
Комитет по правам человека ООН	нет	нет	нет
Комитет по ликвидации расовой дискриминации	да	да	нет
ЕСПЧ, Европейская комиссия по правам человека	да	да	нет

Таблица 1. Подходы международных органов к признанию основных прав юридических лиц

Так, неправительственные организации способны обращаться в межамериканскую систему защиты прав человека, однако не в собственных интересах. По этому вопросу Межамериканский суд по правам человека вынес Консультативное заключение от 26 февраля 2016 года, в котором подтвердил, что юридические лица не могут быть жертвами нарушенных прав в соответствии с

юридическое лицо, в то время как во Франции термин «корпорация» вовсе не используется. Козлова Н. В. *Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие*. М.: Статут, 2003. С. 209–210.

⁴⁵ ECtHR. *Islamic Republic of Iran Shipping Lines v. Turkey*. Application no. 40998/98. Judgment of 13 December 2007. § 81.

⁴⁶ Позиция Суда ЕС относительно допуска эманаций государств к судебным механизмам была сформулирована в деле *Bank Mellat v. Council of the European Union (2013)*. См. подробнее: European General Court. *Bank Mellat v. Council of the European Union*. Case T-496/10. Judgment of 29 January 2013. § 36.

⁴⁷ В настоящей работе география рассматриваемой проблемы ограничена подходами трех региональных правозащитных систем и двух универсальных конвенционных органов.

⁴⁸ См. подробнее: Лунёв А. А. *Основные права юридических лиц в международной системе защиты прав человека: дисс. ... канд. юрид. наук*. Екатеринбург, 2023. С. 71–106.

Американской конвенцией о правах человека 1969 года⁴⁹. Тем не менее относительно коренных и племенных народов и общин, а также профсоюзных организаций Межамериканский Суд предусмотрел исключение, указав, что такие образования необходимо рассматривать в качестве коллективных субъектов, то есть как группы лиц, объединенных общими интересами, и, соответственно, реализующих коллективные права человека⁵⁰. Таким образом, Межамериканский Суд подтвердил приверженность коллективной, а не корпоративной концепции групповых прав.

В остальных случаях юридические лица могут обращаться исключительно для защиты прав человека в порядке *actio popularis*⁵¹, либо для защиты физическими лицами — участниками юридического лица личных прав от имени своей корпорации⁵². Схожий подход сложился и в африканской системе защиты прав человека: в деле *Article 19 v. Eritrea (2007)* Африканская комиссия по правам человека и народов указала, что частные лица могут обращаться в порядке *actio popularis*, «в соответствии с которым автор сообщения не обязательно должен знать о жертве предполагаемого нарушения или иметь какую-либо связь с ней»⁵³.

На универсальном уровне юридические лица редко обращаются за правовой защитой, и потому практика ООН в этом вопросе остается фрагментарной (в сравнении с региональной практикой). Тем не менее можно выделить противоположные друг другу подходы Комитета по правам человека ООН (далее — КПЧ) и Комитета по ликвидации расовой дискриминации (далее — КЛРД), в которые иногда обращаются организации. Так, КПЧ не признает приемлемость сообщений от любых юридических лиц, поскольку бенефициарами прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, являются исключительно физические лица⁵⁴. Тем не менее заявитель может обжаловать действия властей, направленные против юридического лица или сходного с ним образования, если такие действия нарушают права этого физического лица⁵⁵. Более того, КПЧ не блокирует попытки организаций участвовать в правозащитной деятельности и в некоторых случаях разрешает им оказывать помощь авторам в подготовке и сопровождении их сообщений⁵⁶.

Менее категоричную позицию занимает КЛРД, который на практике, широко толкуя понятие «группа физических лиц», признает приемлемость сообщений юридических лиц *ratione personae* и подчеркивает, что организации подпадают под понятие «жертвы» в соответствии со ст. 14 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года с учетом представительской функции юридических лиц — заявителей⁵⁷.

Наиболее продвинутым образом защита прав юридических лиц обеспечена в системе Совета Европы. Европейский Суд (ранее также Европейская комиссия по правам человека) признает за неправительственными организациями не только статус заявителя, но и статус жертвы нарушенных прав⁵⁸. Поскольку Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее — Европейская конвенция 1950 года) напрямую закрепляет за юридическими лицами только две гарантии — право на обращение в ЕСПЧ (ст. 34) и защиту собственности (ст. 1 Протокола № 1), то в остальных случаях Европейский Суд самостоятельно определяет

⁴⁹ Corte IDH. *Opinión consultiva OC-22/16 de 26 de febrero de 2016 solicitada por la República de Panamá*. § 38.

⁵⁰ Ibid. § 71–105.

⁵¹ См., например, дело *Gomes Lund and Others («Guerrilha do Araguaia») v. Brazil (2010)*, в котором Межамериканская комиссия по правам человека признала, что организация-заявитель «Центр справедливости и международного права», действующая от имени исчезнувших лиц и их близких родственников, может подавать петиции в интересах прямых жертв по делу в соответствии со статьей 44 Американской конвенции по правам человека. IACtHR. *Gomes Lund and Others («Guerrilha do Araguaia») v. Brazil*. Judgment of 24 November 2010 (Preliminary Objections, Merits, Reparations, and Costs).

⁵² См. подробнее: Emberland M. *The Corporate Veil in the Jurisprudence of the Human Rights Committee and the Inter-American Court and Commission of Human Rights* // Human Rights Law Review. Vol. 2004. № 2. P. 257–275.

⁵³ African Commission on Human and People's Rights. *Article 19 v. Eritrea*. Communication № 275/2003. Decision of 30 May 2007. § 65.

⁵⁴ HRC. General comment no. 31 [80]. The nature of the general legal obligation imposed on States Parties to the Covenant. 26 May 2004. UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13. § 9.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ HRC. The relationship of the Human Rights Committee with nongovernmental organizations. UN Doc. CCPR/C/104/3, 2012.

⁵⁷ CERD. *The Jewish Community of Oslo and others v. Norway*. Communication no. 30/2003. Decision of 15 August 2005. § 7.4.

⁵⁸ Так, в деле *State Holding Company Luganksvugillya v. Ukraine (2009)* ЕСПЧ отмечал: «согласно статье 34 Конвенции юридическое лицо (англ.: *legal entity*), «которое утверждает, что явилось жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон [сво]их прав, признанных в... Конвенции или в Протоколах к ней», может обратиться в Суд с индивидуальной жалобой, если оно является «неправительственной организацией» по смыслу положений этой статьи Конвенции». ECtHR. *State Holding Company Luganksvugillya v. Ukraine*. Application no. 23938/05. Decision of 27 January 2009.

применимость того или иного конвенционного положения к организациям. В частности, ЕСПЧ расширил понятие «жилище» и, соответственно, конвенционные гарантии *на защиту помещения юридического лица* (ст. 8)⁵⁹; подтвердил, что *свобода выражения мнения* «применяется к «каждому», будь то физическое или юридическое лицо» (ст. 10)⁶⁰; установил, что организации наряду с человеком могут требовать *компенсации морального вреда* (ст. 41)⁶¹; признавал *право политических партий на свободные выборы* (ст. 3 Протокола № 1)⁶². А Европейская Комиссия ранее признавала *свободу мысли и религии церквей* (ст. 9)⁶³, а также *свободу мирных собраний и объединений юридических лиц* (ст. 11)⁶⁴.

В то же время нельзя утверждать, что юридические лица обладают всем перечнем прав согласно Европейской конвенции 1950 года. Во-первых, некоторые из положений документа либо напрямую указывают носителем прав исключительно человека (например, право мужчин и женщин на брак по ст. 12), либо имеют человеко-ориентированное толкование (например, запрет пыток в соответствии со ст. 3⁶⁵). Во-вторых, все же любая международная правозащитная система создается главным образом с целью защиты человека как главного бенефициара конвенционных гарантий.

Подход Европейского Суда получил развитие и в правозащитной системе Европейского союза⁶⁶, ядром которой является Хартия об основных правах ЕС 2000 года. Документ значительно больше, чем Европейская конвенция 1950 года, ориентирован на физических лиц, поскольку многие положения Хартии ЕС указывают носителем основных прав исключительно человека⁶⁷. Но для юридических лиц также предусмотрены некоторые гарантии в случаях, когда организации напрямую указаны в качестве носителей основных прав⁶⁸, либо если Судом Евросоюза такие гарантии истолкованы как применимые к юридическим лицам⁶⁹.

Разницу подходов международных судебных и квазисудебных органов можно объяснить разными взглядами на природу юридического лица, то есть связать с вечным вопросом о его сущности. Если в практике африканских, межамериканских органов и КПЧ превалирует «инструментальное» понимание юридического лица, то есть восприятие его как искусственного, несамостоятельного субъекта (теория фикции), а значит и не обладающего своими правами, то на европейском уровне преобладает иной взгляд, согласно которому организация рассматривается как самостоятельный актер, реальный субъект права, способный претендовать на статус потенциальной жертвы нарушения собственных прав, аналогичных правам человека.

4. Природа и ценность основных прав юридических лиц

Особенностью основных прав юридических лиц является то, что такие права в большинстве своем как бы «невидимы», то есть буквально не закреплены за организациями, и, как было показано на практических примерах ЕСПЧ и Суда ЕС, выводятся путем судебного толкования из положений документов о правах человека. С одной стороны, можно утверждать, что по своей природе права

⁵⁹ ECtHR. *Société Colas Est and Others v. France*. Application no. 37971/97. Judgment of 16 April 2002. § 40.

⁶⁰ ECtHR. *Autronic AG v. Switzerland*. Application no. 12726/87. Judgment of 22 May 1990. § 47.

⁶¹ ECtHR. *Comingersoll S. A. v. Portugal*. Application no. 35382/97. Judgment of 6 April 2000. § 36.

⁶² См., например, ECtHR. *Russian Conservative Party of Entrepreneurs and Others v. Russia*. Applications nos. 55066/00 and 55638/00. Judgment of 11 January 2007.

⁶³ ECommHR. *X. and Church of Scientology v. Sweden*. Application no. 7805/77. Decision of 5 May 1979. P. 68.

⁶⁴ См., например, ECommHR. *Association and H. v. Austria*. Application no. 9905/82. Decision of 15 March 1984. P. 191; ECommHR. *Young, James and Webster v. the United Kingdom*. Applications nos. 7601/76, 7806/77. Decision of 11 July 1977. § 167.

⁶⁵ См., например, ECommHR. *Verein «Kontakt-Information-Therapie» (KIT) and Siegfried HAGEN v. Austria*. Application no. 11921/86. Judgment of 12 October 1988. § 1.

⁶⁶ Европейская конвенция 1950 года оказала большое влияние на развитие права Европейского союза. Так, ст. 6 (3) Договора о Европейском союзе 1992 года гласит: «Основные права, как они гарантированы Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и как они вытекают из общих для государств-членов конституционных традиций, входят в содержание права Союза в качестве общих принципов». Неразрывную связь с ЕКПЧ подтверждает в том числе и Хартия ЕС об основных правах 2000 года, что отражено не только в преамбуле, но и ст. 52 и 53 документа.

⁶⁷ Термин «каждый человек имеет право» используется в ст. 2, 3, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 29, 33, 34, 35 Хартии ЕС.

⁶⁸ Так, согласно ст. 42 Хартии ЕС юридические лица (наряду с физическими лицами) имеют право доступа к документам Европейского парламента, Совета и Комиссии ЕС.

⁶⁹ Например, в уже упомянутом деле *Bank Mellat v. Council of the European Union (2013)* Суд общей юрисдикции ЕС признал применимость к юридическим лицам положений ст. 17 (право собственности), ст. 41 (право на хорошее управление), ст. 47 (право на эффективное обжалование и на доступ к беспристрастному суду). European General Court. *Bank Mellat v. Council of the European Union*. Case T-496/10. Judgment of 29 January 2013. § 36.

юридических лиц производны от идеи прав человека и, соответственно, не находятся с последними в равном положении. С другой стороны, сама идея индивидуальных прав человека возникла во многом благодаря коллективным объединениям и юридическим лицам прошлого. Так, К. В. Арановский, С. Д. Князев и Е. Б. Хохлов утверждают:

Права приписали собственно человеку около XVII века, а прежде относили их к общинам и сословиям, связывали с пожалованными, купленными или наследственными титулами, с положением людей в корпоративных образованиях, но не с их принадлежностью к роду человеческому. Хотя свобода ассоциаций и кажется первым поколением прав человека, но прежде не отдельный человек был носителем городских, цеховых, общинных, приходских и гильдейских привилегий, а сами образования как первичный субъект подчиняли личность, позволяя ей, однако, пользоваться выгодами от корпоративных прав и получать в них защиту. Лишь с торжеством протестантского индивидуализма старую корпоративность потеснила та свобода объединений, где личное решение граждан стало условием их учреждения и участия в них, кроме, быть может, муниципальных корпораций, полупринудительных профсоюзов и профсоюзного коллективного членства в некоторых социалистических партиях⁷⁰.

Авторы справедливо задаются вопросом: «Коллектив среди субъектов разве новость, если общности (аллодная, бюргерская и др.) стали правосубъектными раньше, чем отдельная личность?»⁷¹.

О выводимости прав человека из прав коллективных образований, главным образом религиозных объединений, писал еще Г. Еллинек. В своем труде, посвященном французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и американской Декларации независимости 1776 года, немецкий ученый утверждал, что идея индивидуальных прав человека происходит от протестантского учения индепендетов (конгрегационалистов), согласно которому церковь должна быть полностью отделена от государства, а каждая религиозная община должна обладать автономией. Автор отмечает, что

[т]акой суверенный индивидуализм в вопросах веры приводил к чрезвычайно важным практическим последствиям. Из этих начал, в конце концов, вытекало требование и признание полной, неограниченной свободы совести, а затем убеждение, что эту свободу можно отстаивать как право, которое не даровано какою-либо земною властью и которое, поэтому, не может быть ограничено никакою земною властью⁷².

Следовательно, права человека и права юридических лиц исторически взаимопроизводны. Однако современная выводимость последних, построенная на антропоморфных началах, то есть путем уподобления статуса организации статусу человека, не лишает эти права самостоятельной природы и автономной ценности.

Такая ценность играет довольно важную роль в правозащитной деятельности и заключается в организационной и управленческой форме юридического лица, благодаря которой человек получает возможность достичь тех целей и реализовать жизненные планы, которые недоступны ему в индивидуальном качестве⁷³. Так, политические партии создаются как объединение людей определенных политических взглядов для совместного участия в борьбе за власть, религиозные организации — ради отправления совместных религиозных практик, коммерческие предприятия — с целью объединения капиталов и получения общего дохода, профсоюзы — для сплочения трудящихся и коллективной защиты трудовых прав. Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что граждане должны иметь возможность учреждать юридические лица, которые позволяют им действовать совместно в области их общих интересов, поскольку это является одним из важнейших аспектов права на свободу объединения⁷⁴.

⁷⁰ Арановский К., Князев С., Хохлов Е. *О правах человека и социальных правах* // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 67.

⁷¹ Там же. С. 68.

⁷² Еллинек Г. *Декларация прав человека и гражданина*. Пер. с нем. А. Э. Вормса. 3-е изд., доп. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1906. С. 45–46.

⁷³ Isiksel T. *Op.cit.* P. 998.

⁷⁴ См., напр., ECtHR. *Sidiropoulos and Others v. Greece*. Application no. 26695/95. Judgment of 10 July 1998. § 40.

В то же время основные права юридических лиц обеспечивают не только индивидуальные, но и общественные интересы. Это в особенности касается тех социальных проблем, в которых организации (чаще всего некоммерческие) занимают весьма активную позицию. В недавнем решении по делу, затронувшему проблему изменения климата, ЕСПЧ признал приемлемость жалобы ассоциации-заявителя в силу «особых соображений» (англ.: *special consideration*) и при этом отклонил обращения физических лиц против Швейцарии. В этом деле ассоциация «Пожилые женщины за защиту климата» и ее четыре участницы утверждали, что швейцарские власти не предпринимают достаточных мер для решения проблемы изменения климата. Европейский Суд указал, что женщины-заявительницы не соответствуют критериям жертвы нарушенных прав, поскольку не доказали, что пострадали лично и непосредственно от последствий климатических изменений в результате бездействия властей, в то время как ассоциации, которые играют значительную роль в климатической повестке как общей проблеме человечества, могут обращаться с целью защиты прав тех, кто пострадал и рискует стать пострадавшим от неблагоприятных последствий изменения климата⁷⁵. Для таких ассоциаций Европейский Суд устанавливает определенный перечень условий (законная регистрация, цели ассоциации и характер ее деятельности, правозащитная компетентность, представительность и др.), в соответствии с которыми они обладают *locus standi*⁷⁶. В итоге ЕСПЧ признал, что в отношении ассоциации-заявителя Швейцария не выполнила свои конвенционные обязательства, связанные с климатическими изменениями, в частности, не разработала эффективное законодательство в этом вопросе и не достигла целевых показателей сокращения выбросов парниковых газов⁷⁷.

Кроме того, при реализации социальных интересов особо важная роль принадлежит средствам массовой информации, на которых возлагается задача по информированию общества. Об этом довольно убедительно пишет бельгийский профессор П. Оливер, отмечая, что компании должны обладать основными правами не только для собственной пользы, но и во благо других и общественности в целом, поскольку в современном мире, в котором практически любое издательство является юридическим лицом, свобода слова «была бы пустым звуком, если бы не защищала издательскую компанию, а также автора и других физических лиц»⁷⁸.

Таким образом, права человека получают еще один, наряду с индивидуальным и коллективным, уровень защиты — корпоративный. Обеспечивая индивидуальные и общественные интересы, основные права юридических лиц выступают ценным инструментом гражданского общества, укрепляют демократические процедуры, плюрализм, гласность, широту взглядов, толерантность, а сами организации становятся новым звеном прежней триады «человек — общество — государство».

Заключение

Утверждение о том, что церкви, корпорации, медиакомпании, некоммерческие организации и другие типы юридических лиц обладают основными правами в рамках международного права и процессуальными способами защиты таких прав в некоторых международных органах (главным образом европейских) формирует новое, ценностное представление об их роли в защите прав человека. Отныне организационно-управленческая форма юридических лиц воспринимается не просто в качестве «площадки» для реализации совместных групповых интересов, но выступает

⁷⁵ Д. Летсас утверждает, что в этом деле ассоциация обеспечивала конвенционные права будущих поколений или современных новорожденных, которые потенциально могут пострадать от изменения климата, происходящего сегодня по вине современных государств, обязанных с ним бороться. И хотя сам ЕСПЧ однозначно так не высказывался, автор настаивает на том, что при внимательном прочтении постановления можно убедиться, что Суд строит свою аргументацию вокруг ключевой роли будущих поколений. По его мнению, ЕСПЧ посчитал будущие поколения потенциальной жертвой от нынешнего изменения климата, что дает право ассоциациям действовать в их интересах уже сейчас (Letsas G. *Did the Court in Klimaseniorinnen create an actio popularis?* EJIL: Talk! Blog of the European Journal of International Law. URL: <https://www.ejiltalk.org/did-the-court-in-klimaseniorinnen-create-an-actio-popularis/> (дата обращения: 12.06.2024)).

⁷⁶ См. подробнее о требованиях ЕСПЧ к физическим и юридическим лицам, претендующим на статус заявителя и жертвы нарушенных прав в контексте *climate change*: ECtHR. *Verein KlimaSeniorinnen Schweiz and Others v. Switzerland*, Application no. 53600/20. Judgment of 9 April 2024. § 458–503.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Oliver P. *What Fundamental Rights...* P. 49; см. также Kulick A. *Op. cit.* P. 559–560.

дополнительным, а в некоторых случаях единственно возможным способом защиты прав лиц, стоящих за организацией.

Наделение юридических лиц подобно человеку основными правами и признание организаций жертвами нарушения конвенционных гарантий наряду с физическими лицами позволяет взглянуть на концепцию прав человека с нового ракурса. Прежде всего круг бенефициаров концепции более не ограничивается самим человеком и, как бы странно это ни звучало, включает нечеловеческих субъектов. Как уже отмечалось, права человека стали своего рода аксиологической конструкцией для формирования новых правозащитных учений. В своей книге, посвященной истории прав человека, Л. Хант справедливо указывает:

Права нельзя определить раз и навсегда, поскольку их эмоциональная основа продолжает меняться, отчасти в ответ на декларирование прав. Права остаются под вопросом, потому что наше представление о том, кто их имеет и что это за права, постоянно меняется. Революция в области прав человека по определению продолжается⁷⁹.

Экстраполяция человеческих прав на нечеловеческих акторов, на первый взгляд, может показаться заблуждением или же упрощением, скрывающим особую, независимую и уникальную природу прав юридических лиц, животных, природных объектов. Однако применимость прав человека в этом случае объясняется тем, что такие права стали доступным и понятным для всех средством борьбы с насилием, жестокостью и злоупотреблением. Возникшие буквально в результате общемировой трагедии и многомиллионных жертв, но доказавшие опытом и временем свою состоятельность и необходимость, права человека стали *lingua franca* в дискурсе о защите новых — или скорее прежде игнорируемых — субъектов, и потому сегодня такими правами могут обладать даже те, кому первоначально они не принадлежали.

FROM AN INDIVIDUAL TO A CORPORATION: TOWARDS THE ANTHROPOMORPHIZATION OF CORPORATIONS IN INTERNATIONAL LAW

LUNEV. A.

Andrey Lunev — Candidate of Sciences in Law, lecturer at the International Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia (a.a.lunyov@usla.ru).
ORCID: 0000-0001-8714-5146.

Abstract

The idea that all human beings have universal, equal, and inalienable rights is no longer just a doctrine of human rights protection from an encroachment by the state. It has also become a standard for the development of new legal concepts, such as corporate human rights. Corporate human rights concept is based on the idea that national corporations have rights similar to human rights (e.g., freedom of expression, prohibition of discrimination, right to housing) and can demand that these rights be protected at the international level. Using anthropomorphic logic and drawing an analogy with the rights of other actors (states, animals, and nature), the author argues that the status of corporations in international law is increasingly likened to the status of an individual. The paper demonstrates the essence of the corporate human rights concept and its practical application in some judicial and quasi-judicial human rights mechanisms. Priority is accorded to European systems (the European Union and especially the Council of Europe) whereby the rights of corporations are guaranteed in the most comprehensive manner. The article also explains how the fundamental rights of corporations are derived from the fundamental rights of individuals, and supports the significance of the organisational and managerial structure of corporations for a more effective protection of individuals. The author concludes that the concept of human rights continues to grow in terms of expanding actors and strengthening the importance of non-governmental organisations in the human rights field.

Key words

anthropomorphism, fundamental rights, corporations, ECtHR, human rights, collective concept of human rights, corporate concept of human rights

Citation: Lunev A. Ot cheloveka k korporatsii: na puti k antropomorfizatsii yuridicheskikh lits v mezhdunarodnom prave [From an Individual to a Corporation: towards the Anthropomorphization of Corporations in International Law] // Zhurnal VSHÉ po mezhdunarodnomu pravu (HSE University Journal of International law). 2024. Vol. 2. № 2. P. 28–42.

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.22260>

⁷⁹ Хант Л. *Изобретение прав человека. История*. М.: НЛО, 2023. С. 28–29.

References / Список источников

- Aranovskiy K., Knyazev S., Khokhlov E. (2012) O pravakh cheloveka i sotsial'nykh pravakh [About human rights and social rights]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4, pp. 61–91 (In Russian).
- Carbone S., di Pepe L. S. (2009) States, Fundamental Rights and Duties, *Max Planck Encyclopedia of Public International Law [MPEPIL]*.
- D'Aspremont J. (2015) The Doctrine of Fundamental Rights of States and Anthropomorphic Thinking in International Law, *Cambridge Journal of International and Comparative Law*, vol. 4, no. 3, pp. 501–520.
- Elinnek G. (1906) Deklaratsiya prav cheloveka i grazhdanina [Declaration of Human and Civil Rights]. M., Tipografiya T-va I. D. Sytina. (In Russian).
- Emberland M. (2004) The Corporate Veil in the Jurisprudence of the Human Rights Committee and the Inter-American Court and Commission of Human Rights. *Human Rights Law Review*, vol. 2004, no. 2, pp. 257–275.
- Emberland M. (2006) *The Human Rights of Companies*. Oxford, Oxford University Press.
- Gear A. (2010) *Redirecting Human Rights. Facing the Challenge of Corporate Legal Humanity*. Hampshire, Palgrave Macmillan.
- Hant L. (2023) *Isobretenie prav cheloveka. Istoriya [Inventing Human Rights: A History]*. M., NLO.
- Isiksel T. (2019) Corporate Human Rights Claims under the ECHR. *The Georgetown Journal of Law & Public Policy*, vol. 17, pp. 979–1005.
- Jellinek G. (1914) *Allgemeine Staatslehre: manuldruck*. Heidelberg: Springer Berlin.
- Jones E. (2021) Posthuman International Law and the Rights of Nature. *Journal of Human Rights and the Environment*, vol. 12, special issue, pp. 76–102.
- Jones P. (1999) Human Rights, Group Rights, and Peoples' Rights, *Human Rights Quarterly*, vol. 21, no. 1, pp. 80–107.
- Kozlova N. (2003) Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii [The concept and essence of a legal entity. Sketch of history and theory]. M., Statut. (In Russian).
- Kulick A. (2021) Corporate Human Rights? *The European Journal of International Law*, vol. 32, no. 2, pp. 537–570.
- Lauterpacht H. (1950) *International Law and Human Rights*, New York, F. A. Praeger, Inc.
- Likhachev M. (2023) Politiki mezshdunarodnoi pravosub"ektnosti i ikh istoricheskaya izmenchivost' [The Politics of an International Personality and Their Historical Inconsistency]. *Zhurnal VSHÉ po Mezhdunarodnomu Pravu (HSE University Journal of International Law)*, vol. 1, no. 1, pp. 8–24. (In Russian).
- Likhachev M. (2024) Universal'nost' mezshdunarodnykh standartov prav cheloveka: neobhodimaya utopia [Universality of International Human Rights Standards: A Necessary Utopia]. *Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, tom 17, no. 1, pp. 40–67. (In Russian).
- Martens F. (1904) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov [Modern international law of civilized nations]*. Tom I, SPb, Tipografiya A. Benke, 1904. (In Russian).
- Moyn S. (2019) Rights. In: J. d'Aspremont, S. Singh (eds.) *Concepts for International Law*. Cheltenham, Northampton, MA, Edward Elgar Publishing.
- Moyn S. (2024) Poslednyaya utopiya: Prava cheloveka v istorii [The Last Utopia: Human Rights in History]. M., NLO, 2024. (In Russian).
- Oliver P. (2015) Companies and their Fundamental Rights: A Comparative Perspective. *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 64, no. 3, pp. 661–696.
- Oliver P. (2022) What Fundamental Rights, if Any, Should Companies Enjoy? A Comparative Perspective. *Revue européenne du droit*, vol. 2022, no. 3, pp. 48–58.

- Peters A. (2016) *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Peters A. (2022) *Animal Rights*. In: C. Binder, M. Nowak, J. A. Hoffbauer, P. Janig (eds.) *Elgar Encyclopedia of Human Rights*. Cheltenham, Northampton, MA, Edward Elgar Publishing, pp. 129–135.
- Phillimore R. (1879) *Commentaries upon International Law*. London, Butterworths.
- Portmann R. (2010) *Legal Personality in International Law*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Tolstykh V. (2022) *Kurs mezhdunarodnogo prava: uchebnik [International Law Course: textbook]*. M., Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Verdross A. (1937) *Völkerrecht*. Berlin, Springer.